

УВИДЕТЬ И УСЛЫШАТЬ

СБОРНИК СТУДЕНЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

филфак ВГУ, 2026

СЛОВО РЕДАКТОРА___3

I. ПО ТУ СТОРОНУ ПАРТЫ

Александра Бутова. Записки филолога, исследующего 6 «Г»___9

Татьяна Лаврентьева. Бедная Лиза и богатый сикс-севен___12

Иван Муковнин. Замолчавшее поколение: как «победить» 9 «А»___14

Дарья Стешина. Долг___17

Эвелина Курганова. Таинственное письмо___19

Алина Холина. Остывший чай___21

Мария Фурсова. Учитель – не профессия___23

II. А ЗА ОТМЕТКОЙ – ЧЕЛОВЕК

Диана Барабанщикова. Тишина___27

Алёна Андреева. Стекланный человек___32

Софья Митина. Ангелочки и тени взрослых___34

Анастасия Кузьмина. Папа-юрист___37

Арина Суркова. Урок хорошего поведения___39

III. ЧУВСТВО МЕСТА

Ольга Закаблук. Земля и небо. Между ними – человек___42

Анна Николаенко. Аналоговый ренессанс___44

Екатерина Рыбина. Верхнее Турово___47

Ариадна Володченко. Тихая угроза___50

Эвелина Шерстяных. Джейн Доу___51

СЛОВО РЕДАКТОРА

От наблюдения – к пониманию

Увидеть человека за привычной ролью, услышать за произнесёнными словами то, что не всегда удаётся высказать прямо, – с этого начинается не только журналистский очерк, но и внимательное отношение к действительности. Название сборника «Увидеть и услышать» объединяет разные авторские намерения: понять молчащий класс, заметить одинокого ребёнка, разобраться в собственном профессиональном выборе, почувствовать связь с родным местом, распознать за повседневной ситуацией общественную проблему. В каждом случае важно преодолеть очевидность первого впечатления и попытаться понять больше, чем открывается поверхностному взгляду.

Представленные работы написаны студентами 4-го курса очного отделения направления «Филология» филологического факультета Воронежского государственного университета в рамках курса «Создание текстов разных жанров и экспериментальные методы исследования». Учебная задача стала для авторов возможностью обратиться к собственному опыту и испытать его средствами журналистского письма. Пережитое следовало не просто вспомнить, но отобрать, осмыслить и организовать в текст, интересный другому человеку. Личное впечатление должно было обрести общественную значимость, а наблюдение – стать основанием для размышления.

Именно такое движение составляет внутренний сюжет сборника. Его композиция ведёт читателя от близкого авторам опыта педагогической практики к более широкому миру – пространству повседневной культуры, родной земли и человеческих отношений. При этом границы между тремя разделами проницаемы: профессиональное самоопределение невозможно отделить от нравственной ответственности, а «чувство места» – от внимания к людям, которые это «место» населяют.

Первый раздел, «По ту сторону парты», посвящён смене позиции. Ещё недавно авторы сами были школьниками, теперь им предстоит войти в класс в другом качестве. Знакомое пространство обнаруживает незнакомую сложность: подготовленный конспект не гарантирует состоявшегося урока, знание предмета не обеспечивает взаимопонимания, а педагогический авторитет нельзя получить вместе с правом выставлять отметки. Встреча с реальной школой становится одновременно встречей с собой – собственными ожиданиями, уязвимостью, способностью действовать и принимать решения.

Общий опыт не делает авторские голоса похожими. Александра Бутова строит свои «Записки филолога, исследующего 6 „Г“» как стремительную череду школьных происшествий. Разговорная

интонация, самоирония, диалоги и быстрая смена эпизодов передают эмоциональный ритм практики. У Татьяны Лаврентьевой, напротив, небольшой случай становится отправной точкой для культурного наблюдения: реакция на дату телеспектакля обнаруживает разницу между языком школьной программы и языком подросткового общения. Иван Муковнин обращается к проблеме с другой стороны – через поиск способов преодолеть молчание класса. В его работе педагогическая практика предстаёт пространством методического эксперимента, где готовность изменить собственный подход оказывается важнее стремления любой ценой добиться привычного ответа.

Особое место в разделе занимает тема признания. В «Таинственном письме» Эвелины Кургановой она раскрывается через несовпадение ожиданий учителя и ученика: вместо предполагаемой благодарности автор получает неоднозначное послание, требующее расшифровки. В «Остывшем чае» Алины Холиной вопрос обращён уже к отношениям внутри профессионального сообщества – к потребности начинающего педагога в поддержке наставника. Дарья Стешина в «Долге» предлагает обобщённый образ школы как сообщества взаимной ответственности. Мария Фурсова расширяет разговор до условий существования профессии: личная привязанность к учителям и желание преподавать сталкиваются с вопросом о том, достаточно ли одного призвания. Словесное сближение «призван» и «признан» выражает существенную для всего раздела мысль: человеческая вовлечённость нуждается в общественном уважении и реальной поддержке.

Во втором разделе «А за отметкой – человек» меняется фокус внимания. В центре оказывается уже не столько становление будущего учителя, сколько его способность различать отдельную личность за общими характеристиками класса. Здесь особенно ясно обнаруживается нравственная проблематика сборника: где проходит граница между требовательностью и унижением, между поддержкой и попустительством, между знанием правильного ответа и готовностью поступить правильно?

Название очерка Дианы Барабанщиковой «Тишина» обозначает не отсутствие события, а пространство возможного смысла. Молчание может свидетельствовать о страхе, растерянности, привычке искать готовый ответ – но может быть и необходимым условием самостоятельной мысли. В «Стеклянном человеке» Алёны Андреевой внимание направлено на ребёнка, чьё одиночество почти незаметно именно потому, что не сопровождается открытым конфликтом. Существенна сдержанность развязки: автор не обещает мгновенного преображения школьной жизни, а замечает небольшой, но значимый сдвиг в отношениях.

Софья Митина в «Ангелочках и тенях взрослых» показывает, как образ «неуправляемого» ученика усложняется благодаря конкретным наблюдениям: тот, кто нарушает порядок, способен принять поручение, проявить заботу и высказать самостоятельную мысль. Анастасия Кузьмина в «Папе-юристе» выстраивает повествование вокруг реплики, в которой для автора сосредоточивается проблема границ и авторитета. Арина Суркова в «Уроке хорошего поведения» находит выразительный композиционный парадокс: содержание изложения неожиданно становится содержанием самого урока. Школьная работа о нравственном выборе превращается в ситуацию, где этот выбор необходимо сделать.

Третий раздел – «Чувство места» – расширяет значение самого слова «место». Это не только географическое пространство, но и способ принадлежать миру, занимать в нём собственную позицию, соотносить личное существование с жизнью других. У Ольги Закаблук дорога становится формой размышления о связи человека с землёй и об утрате привычного сельского уклада. У Екатерины Рыбиной Верхнее Турово раскрывается через людей, семейную память, природные приметы и повседневные практики передачи опыта. В обоих случаях пейзаж не служит нейтральным фоном: он участвует в развитии авторской мысли.

В «Аналоговом ренессансе» Анны Николаенко чувство принадлежности возникает иначе – через вещи, культурные предпочтения и личные ритуалы. Диск, фотография, отдельное устройство для прослушивания музыки становятся знаками права самостоятельно распоряжаться вниманием и временем. В «Тихой угрозе» Ариадны Володченко городское пространство обнаруживает свою уязвимость: беззаботная прогулка прерывается происшествием, заставляющим задуматься об ответственности перед незнакомым человеком. Завершающий сборник текст Эвелины Шерстяных «Джейн Доу» переносит акцент с видимого пространства на пространство публичного высказывания – на возможность быть услышанной, на значение солидарности и опасность равнодушия. Так название сборника к финалу получает наиболее напряжённое звучание: услышать – значит не только воспринять слова, но и признать важность чужого опыта.

Насколько эти работы соответствуют жанру журналистского очерка? Ответ предполагает внимание не к формальному набору признаков, а к их взаимодействию. Очерк возникает на пересечении документальности, лиризма интонации, социальности содержания, актуальности высказывания и художественной выразительности. Важно не просто присутствие каждого начала, а то, как они поддерживают друг друга.

Документальную основу значительной части сборника составляет личное участие авторов в описываемых событиях. Школьные эпизоды, реплики учеников, предметные подробности, названия мест, наблюдения за поведением людей создают ощущение непосредственного контакта с действительностью. Особенно убедительны те фрагменты, где вывод рождается из показанной сцены: из паузы после вопроса, вручённого письма, совместно придуманного рассказа, спора вокруг тетрадей. При этом сама форма повествования от первого лица ещё не исчерпывает документальности. Обобщённый образ школы в «Долге», переход к нравственной модели ситуации в «Тишине», обращение к статистике и публично изложенным сведениям в других работах представляют разные способы работы с материалом. Для очерка существенно различать увиденное, услышанное, предполагаемое и оценённое автором: именно это различие делает личную позицию убедительной.

Лиризм сборника проявляется прежде всего в открытости авторского присутствия. Его создают не только пейзажные описания или эмоциональные признания, но и самоирония Бутовой, недоумение Кургановой, разочарование Холиной, тревожная сосредоточенность Барабанщиковой. Авторы не прячутся за безличным изложением: они показывают, как событие меняет их собственное восприятие. Особенно ценны моменты, когда рассказчик готов признать растерянность, отсутствие готового решения или ограниченность первоначального суждения. В таких фрагментах личная интонация становится способом познания, а не только выражения чувств.

Социальный характер работ определяется движением от частного случая к общей проблеме. За школьной сценой возникают вопросы одиночества, доверия, наставничества, профессионального достоинства, отношений семьи и школы. За дорожным впечатлением – проблема сохранения культурной памяти; за выбором музыкального носителя – потребность в самостоятельности; за городским происшествием – ответственность за безопасность другого. Вместе с тем очерковое обобщение требует меры. Один класс не может представлять всё поколение, одна конфликтная ситуация – исчерпывающе объяснять отношения родителей и педагогов, а впечатление рассказчика – достоверно раскрывать чужие мотивы. Сильнее всего социальная мысль звучит там, где сохраняется сложность конкретного человека.

Актуальность этих текстов не сводится к упоминанию современных технологий, интернет-мемов или недавних событий. Она заключается в настоятельности самих вопросов. Как научиться говорить с человеком, чей опыт отличается от твоего? Почему доступность информации не отменяет трудности самостоятельного мышления? Как сохранить внимание в мире готовых ответов? Чем поддерживается доверие?

Такие вопросы связывают непосредственную современность с устойчивыми человеческими потребностями.

Художественность сборника рождается из работы с деталью, сценой, контрастом и повторяющимся образом. Письмо, шоколадка, жёлтая уточка, рисунок робота, музыкальный диск перестают быть случайными предметами и становятся смысловыми опорами повествования. Тишина получает несколько значений, велосипедная метафора связывает содержание изложения с развязкой школьного конфликта, дорожный пейзаж передаёт движение внутренней мысли. Там, где образ позволяет читателю самостоятельно почувствовать смысл, текст достигает большей выразительности, чем в прямом поучении.

Не все работы одинаково близки к собственно журналистскому очерку. В сборнике заметны черты путевых заметок, зарисовки, личного эссе, проблемной статьи и эмоционального публицистического обращения. Где-то преобладает событие, где-то – размышление, где-то – открытая полемика. Эта жанровая неоднородность отражает поиск: авторы пробуют разные способы соединить факт и чувство, наблюдение и вывод, личную историю и общественный вопрос. Наиболее органично очерковое начало проявляется там, где социальный смысл вырастает из конкретной человеческой судьбы или точно увиденного эпизода, а авторская оценка не подменяет собой изображение жизни.

«Увидеть и услышать» – сборник первых профессиональных и авторских проб, но поставленные в нём вопросы выходят за пределы учебного задания. Сборник объединяет стремление не пройти мимо: человека, которому трудно включиться в разговор; труда, который остаётся незамеченным; места, которое легко принять за точку на карте; опыта, которому не дают прозвучать. Увидеть здесь означает отказаться от поспешного ярлыка. Услышать – допустить, что за чужим словом или молчанием стоит больше, чем нам кажется. Именно с такой готовности начинается и внимательное чтение, и ответственный журналистский очерк.

**Преподаватель дисциплины
Е.С. Стрельникова**

I.

ПО ТУ СТОРОНУ ПАРТЫ

Александра Бутова

Записки филолога, исследующего 6 «Г»

Говорят, жанр очерка вырос из путевых заметок – того самого «Хождения за три моря». Если бы мне несколько лет назад, когда я сама была ещё школьницей, сказали, что моим главным путешествием станет не поездка на край света, а месяц практики в обычной воронежской СОШ № 1, я бы, наверное, не поверила этому человеку и покрутила пальцем у виска. Где я со своим страхом публичных выступлений, а где работа учителем? Но теперь, пройдя весь этот путь, я точно знаю, что переступить порог школы в качестве учителя было одним из лучших «хождений» в моей жизни. Только вместо диковинных стран перед тобой разворачивается непредсказуемый, бурлящий и ни на что не похожий мир 6 «Г» класса.

До практики жизнь студента-филолога кажется сплошной «жизнью кактуса»: бесконечные пары, лекции, конспекты и монотонная рутина, которая совершенно во мне не отзывается. Школа же встретила меня так, что сидеть было попросту некогда. Стоило мне в первый день зайти к моим шестиклассникам (я преподавала у них год назад, когда они были совсем малышами-пятиклашками), как кабинет «взорвался» – дети буквально прыгали от радости! В этот момент пришло понимание, которого не хватило в прошлом году: я безумно рада снова оказаться здесь. В школе я не просто пассивный слушатель – я управляю, креативлю, спорю, люблю, получаю невероятный заряд энергии и, что уж греха таить, иногда воспитательно ругаюсь.

Но если вы думаете, что школьные будни – это гладкое и чинное чтение классики и разбор правил, то вы никогда не работали в школе. Моя практика превратилась в череду дней, когда абсолютно всё шло наперекосяк, – и именно они стали самыми весёлыми и незабываемыми.

Вот, например, обычный рабочий день. На русском языке всё прошло идеально, в классе – полный комплект учеников. Во время трёхчасового «окна» я выбегаю домой перекусить и доделать конспекты. На выходе меня «отлавливает» моя ученица Арина:

- Александра Владимировна, вы что, уходите?
- Да, Арин, но на последний урок обязательно вернись!
- Хорошо, я буду вас ждать.

Возвращаюсь вечером на литературу. Первым меня встречает Валя... с разбитым носом. Пять минут назад человек был цел! Проводится расследование – как в самом настоящем фильме: с допросом свидетелей. Выясняется, что, пока класс шёл с физкультуры, из подворотни выбежал какой-то незнакомый парень из другой школы, без слов «прописал» (по словам самой жертвы) Вале по лицу и скрылся

в неизвестном направлении. Урок превращается в оперативный штаб: завучи, охранники, заглядывающие учителя, просмотр камер видеонаблюдения, а в классе – буря! Каждый шестиклассник считает долгом выдвинуть свою версию расследования, все носятся с Валею, о теме урока не думает вообще никто. Кое-как сбив накал страстей, я пересчитываю головы и испуганно ахаю: а где Арина, которая так ждала меня на урок? Телефон не берёт, на улице семь вечера, темно. Меня охватывает паника за ребёнка... Лишь через час выясняется: Арине просто стало лень идти на литературу, и она весь час просидела в туалете.

А чего стоила история с такси! Готовлю уроки дома, время поджидает, конспект допечатывается, я одной рукой чищу зубы, другой пытаюсь накраситься. До урока пятнадцать минут, ехать – двадцать. В панике вызываю такси за пятьсот рублей, на ходу запрыгиваю в машину, молю водителя успеть. Лечу на всех парах, залетаю в школу и вижу следующую картину: на входе два моих ученика спокойно обуваются.

– Мальчики, вы куда? У нас же сейчас русский...

– Так опасность БПЛА же объявили. Уроки отменили!

Оказывается, в суматохе я даже не заглянула в телефон и не услышала сирену за закрытыми окнами. Потратила полтысячи, чтобы приехать в пустую школу и тут же развернуться домой. Впрочем, на следующий день сценарий повторился, но уже в разгар урока: объявили опасность БПЛА, дети с радостными криками «Ура, домой!» ломанулись из кабинета, а мы с другими учителями ловко отлавливали их по коридорам, чтобы собрать в безопасных местах подальше от окон.

Особняком в памяти остался День учителя. Уроки по двадцать пять минут – уже праздник. Но главное, лукавить не буду, порадовали подарки. Дети дарили мне шоколадки (всего я насчитала их семь штук) с грацией опытных заговорщиков. Каждая шоколадка вручалась поодиночке, бочком, из-под полы, без лишних глаз – с таким видом, будто мне передают не «Милку», а секретную взятку государственного масштаба. Это было невероятно смешно и так по-детски трогательно.

Но, пожалуй, самым запоминающимся днём стал последний. Я выхожу из кабинета, попрощавшись с детьми, сделав кучу фотографий, а у дверей кабинета математики меня берёт в плотное кольцо весь 6 «Г». Они удерживали меня в «тисках» целых десять минут, просто рыдали в три ручья и умоляли не уходить. Пришлось сдаться и оставить им свой профиль во ВКонтакте. В тот же вечер ко мне «постучались» десять человек – хотели добавиться в друзья, – и каждый прислал сообщение: «Здравствуйте, Александра Владимировна, это я» – и кучу грустных смайликов следом.

Какой итог этому своему путешествию (без кавычек, поскольку именно путешествием оно и было) я могу подвести? Раньше мне казалось, что профессия учителя – это совершенно не моё. Но этот

месяц, наполненный детской любовью, смехом, беготнёй между окнами и абсолютным творческим драйвом, всё перевернул. Для меня практика в школе стала настоящей отдушиной и местом силы. Надеюсь, когда-нибудь я найду богатого мужа, чтобы не задумываться о деньгах и работать в школе в своё удовольствие.

Татьяна Лаврентьева

Бедная Лиза и богатый сикс-севен

Есть вещи, к которым педагогическая практика не готовит. Можно изучать возрастную психологию, конспектировать лекции по методике преподавания, часами подбирать материал к уроку, но никто не предупредит, что однажды две цифры способны затмить два столетия русской литературы.

Моя коллега-практикантка решила показать девятиклассникам телеспектакль «Бедная Лиза». Перед просмотром она сообщила год его выхода – 1967-й. Обычная историческая справка, ничего особенного. Но стоило прозвучать последним двум цифрам, как класс оживился. Школьники переглянулись, кто-то показал знакомый жест, и стало понятно: началось что-то, что не предусмотрено планом урока.

Так дата постановки внезапно превратилась в повод для коллективной шутки. Причём дело было вовсе не в самом спектакле: до него ещё даже не добрались. Просто число совпало с популярным мемом, и этого оказалось достаточно, чтобы девятый класс на несколько секунд объединился вокруг чего-то общего. А ведь сплотить его на классном часе было гораздо сложнее...

Что такое сикс-севен? Английское *six seven* («шесть семь») – вирусный мем, который узнают по характерному жесту. У него нет какого-то обязательного значения: выражение может быть реакцией на подходящие цифры или просто способом показать, что ты понимаешь шутку. Объяснять её необязательно – достаточно, чтобы остальные узнали отсылку. В этом, кажется, и заключается секрет популярности подобных мемов. Они позволяют мгновенно установить контакт, даже если сказать, по сути, нечего. Для подростков, которые постоянно обмениваются новыми шутками и следят за тем, что сейчас обсуждают в сети, это вполне понятный способ общения. А взрослый в такой ситуации рискует оказаться человеком, который пришёл рассказывать о сентиментализме, пока весь класс мысленно находится где-то в ленте коротких видео.

Впрочем, было бы слишком просто объявить, что интернет победил литературу. У каждого поколения были свои словечки, дурацкие шутки и поводы для смеха, которые старшим казались совершенно непонятными. Разница скорее в скорости распространения. Когда-то очередная школьная шутка жила в пределах компании или двора, а теперь одного ролика достаточно, чтобы её повторяли в разных странах. Пока взрослые пытаются разобраться, что именно смешного в новом тренде, подростки уже успевают переключиться на следующий. Сикс-севен в этом смысле – не столько шутка, сколько пароль. Произнеси нужные цифры, сделай знакомый жест – и окружающие

поймут, что ты свой. Не нужно придумывать что-то остроумное или объяснять, почему это смешно. Важно само узнавание. Со стороны такая реакция может показаться бессмысленной, но для тех, кто участвует в ней, смысл, возможно, как раз в том, чтобы разделить момент с другими.

И всё же есть в этой истории одна деталь, которая делает её особенно забавной. В 1967 году люди работали над постановкой «Бедной Лизы», думали об актёрской игре, о чувствах героев, о том, как передать трагедию Карамзинской повести. Вряд ли кто-то из создателей представлял, что спустя десятилетия год выхода спектакля станет для школьников поводом показать мемный жест. Хотя, если подумать, из этого действительно получилась бы неплохая сатирическая зарисовка.

Сама повесть Карамзина пережила множество эпох и прочтений. Её изучают как произведение, сыгравшее важную роль в развитии русского сентиментализма, обсуждают чувства героев и отношение автора к происходящему. Теперь к истории её экранизации добавился ещё и интернет-контекст. Конечно, было бы странно утверждать, что благодаря сикс-севен девятиклассники вдруг заинтересовались литературой. Но встреча классики с современной культурой иногда происходит именно так: совершенно не по тому сценарию, который задумывал учитель.

Бедная Лиза, конечно, заслуживала большего, чем стать поводом для такой вот шутки. Но вряд ли стоит винить в этом подростков или сам мем. Классика и современная интернет-культура существуют рядом, даже если их встреча порой выглядит нелепо. И задача учителя, наверное, не в том, чтобы любой ценой подружить эти два мира, а в том, чтобы после всех шуток всё-таки вернуться к разговору о литературе.

Иван Муковнин

Замолчавшее поколение: как «победить» 9 «А»

Вторая педагогическая практика в МБОУ «Гимназия № 1» в качестве учителя русского языка и литературы в уже знакомом 9 «А» классе вновь началась со звенящей тишины. Этот класс никогда не считался сильным – скорее, это был классический «средний» класс, где учителя привычно боролись за успеваемость, а сами ребята не хватали звёзд с неба. Однако первые же уроки в очередной раз вскрыли куда более глубокий кризис, с которым сегодня сталкивается современный учитель: тотальное нечтение, катастрофически бедный словарный запас и глухая, пассивная апатия на уроках.

В подростковой среде «обычного» класса молодой учитель-практикант воспринимается как временное неудобство или объект для проверки границ дозволенного. Мой краш-тест случился в середине практики на уроке русского языка при изучении сложной теоретической темы. Группа ребят на передних (что удивительно!) партах решила открыто объявить бойкот: они укладывали головы на столы, демонстративно отвлекались на телефоны и игнорировали любые вопросы. В первые дни казалось, что передо мной глухая стена. Классические учительские рычаги давления – вызов к доске, строгий взгляд, плохая оценка – здесь просто не работали. В ответ на замечания я видел лишь скучающие лица и абсолютную готовность получить своё «неудовлетворительно» и пойти дальше.

Представьте себе туриста, который заблудился в чужой стране без переводчика и интернета. Он подходит к местным жителям и начинает громко, с выражением читать им лекцию об архитектуре их собственного города. Местные смотрят на него с глухим равнодушием, вежливо кивают, а потом просто отворачиваются и продолжают заниматься своими делами. Им неинтересен этот шум. Турист злится, обвиняет их в необразованности и пассивности, но проблема не в них. Проблема в другом.

В моём классе не было победителей всероссийских олимпиад или круглых отличников, претендующих на аттестаты особого образца. Это были обычные подростки, для которых уроки словесности долгое время оставались лишь чередой скучных правил и бесконечных текстов, оторванных от их реальной жизни, – и это при том, что с пятого класса этих детей сопровождал один из самых профессиональных филологов-предметников школы. Главным вызовом для меня как для будущего учителя стало не просто выдать программный материал, а перестроить саму систему взаимодействия с классом, превратив каждый урок в методический эксперимент.

Требовать от нечитающего класса связного анализа текста – утопия. Словарный запас ребят был настолько ограничен, что они спотыкались о слово «мерцать»: оно вызвало недоумение у выпускного класса. Мы начали с малого: перед каждым разбором произведения собирали «лексический конструктор» на доске. Переводили карамзинские или грибоедовские смыслы на повседневный язык ребят, искали синонимы, работали с опорными высказываниями. Когда у учеников появлялся готовый строительный материал из понятных им слов, страх перед высказыванием исчезал.

Чтобы преодолеть инерцию клипового мышления, мы перестали воспринимать литературное произведение как неделимое целое. Тяжёлый для ребят текст мы дробили на визуальные и смысловые микросюжеты. Мы создавали ассоциативные таймлайны, рассуждали в духе «А что, если...», пытались представить литературного персонажа в качестве реального человека. Как только классический герой лишался хрестоматийного глянца и становился понятным «живым человеком» со своими слабостями, у подростков включалась эмпатия, а за ней – и собственная речь.

Осознав, что сама жёсткая программа со сложными для восприятия текстами провоцирует тишину, на одном из занятий я рискнул пойти на радикальный шаг. Я отложил стандартные поурочные планы и обратился к методическому приложению своей выпускной квалификационной работы. После урока по далёкому и, как оказалось, совсем непонятному ребятам романтизму я предложил им провести неожиданную параллель и обсудить романы Дмитрия Фурманова и Виктора Пелевина (в частности, «Чапаев и Пустота»).

Эффект превзошёл все ожидания. Постмодернистская деконструкция мифов у Пелевина оказалась невероятно близка подросткам с их клиповым мышлением. Как только на доске появились две абсолютно разные эпохи и два противоположных взгляда на реальность, стена безразличия рухнула. В классе началась жаркая, живая дискуссия. Нечитающий 9 «А», который ещё на прошлом уроке невозможно было вовлечь в диалог, азартно включился в спор о границах реальности, мифах и манипуляции сознанием.

Самое удивительное произошло со словарным запасом. В ходе дискуссии по романам Фурманова и Пелевина ребятам критически не хватало слов, чтобы выразить свои сложные мысли. Но поскольку им было искренне интересно доказать свою правоту в споре, слабый лексический багаж перестал быть тормозом. Ученики на ходу пытались подобрать нужные понятия, цеплялись за подсказанные лексемы и учились конструировать аргументы.

Педагогическая практика в «Гимназии № 1» доказала мне: если класс не хочет читать и говорить, это не значит, что у него нет мыслей. Это значит, что старые методические каналы связи забиты. Учитель

сегодня должен быть гибким инженером, способным проложить новые пути к сознанию учеников. Жёсткая и сложная школьная программа часто сама провоцирует детскую пассивность, предлагая подросткам смыслы, к которым они ещё не могут подобрать ключ. Но если учитель отказывается от роли строгого лектора и предлагает классу актуальный, пусть даже сложный методический эксперимент на стыке эпох, стена безразличия рушится. 9 «А» доказал мне, что современные подростки умеют и хотят думать, нужно просто иметь смелость заговорить с ними на языке живых смыслов.

Дарья Стешина

Долг

Школа редко думает о себе в категориях долга. Ей привычнее говорить про стандарты, оценки, результаты экзаменов. Но долг – это то, что держит школу на месте, когда всё остальное шатается.

В одном небольшом городе есть школа, которую не выделяют в рейтингах, но которую знают все в округе. Она не блещет ремонтом, зато в ней не бросают. Ни детей, ни родителей, ни даже тех, кто давно выпустился. Здесь слово «не бросим» – не лозунг на стенде, а ежедневная практика.

Учительница математики Елена Сергеевна уже десять лет ведёт кружок для тех, кому предмет даётся тяжело. Она не обязана: у неё и так полная нагрузка, классное руководство, бесконечные отчёты. Но она приходит раньше, задерживается после уроков, объясняет одно и то же по три раза, пока не увидит в глазах понимание. Её долг – не дать ребёнку поверить, что он «неспособный». И это работает: из её кружка выходят не только те, кто сдаёт экзамены, но и те, кто перестаёт бояться задач.

Есть и другой долг – ученический. В этой школе каждый класс берёт шефство над младшими. Старшеклассники помогают с домашними заданиями, проводят игровые перемены, следят, чтобы никого не обижали. Это не формальная «воспитательная работа», а правило: если ты старше, ты отвечаешь за тех, кто слабее. И когда в пятом классе кто-то начинает дразнить новенького, именно десятиклассник первым скажет: «Так не делается».

Долг школы – ещё и перед временем. В коридорах висят не только грамоты, но и фотографии выпускников, которые стали врачами, учителями, строителями. Школа помнит своих, потому что понимает: её вклад – не только в оценках, а в том, кем человек станет. И когда бывший ученик привозит в школу оборудование для кабинета физики, это не благотворительность, а ответный долг.

Бывают и трудные истории. В прошлом году в школе случился конфликт: родители одного ученика требовали снять учителя, который, по их мнению, был «слишком строгим». Директор не стал прятаться за формулировки и не уволил педагога сразу. Вместо этого собрал родителей, учителей, старшеклассников и предложил всем вместе подумать: чего мы хотим от школы? В итоге пришли к правилу: школа – это место, где есть границы, и они нужны всем. Долг директора был не в том, чтобы угодить, а в том, чтобы сохранить смысл школы как общего дома.

И в этом, пожалуй, главный урок: долг – это не про героизм. Это про то, чтобы каждый день делать то, что важно, даже когда это неудобно. Не бросать. Не отмахиваться. Держать слово.

Школа, которая помнит про долг, воспитывает не отличников – она воспитывает людей, которые знают: если можешь помочь – помоги, если обещал – сделай, если видишь несправедливость – скажи. И тогда из этих маленьких ежедневных долгов вырастает что-то большое: доверие, уважение, настоящая общность.

Эвелина Курганова

Таинственное письмо

Этот случай произошёл со мной во время педагогической практики. Двенадцатого октября, в свой последний «школьный» день, я решила попрощаться с учениками в привычной для меня, слегка драматичной манере. Произнесла искреннюю речь, в которой поблагодарила детей за работу, рассказала, как переживала и волновалась в начале практики, извинилась, если вдруг чем обидела. Дальше я раздала конфеты, чтобы поднять настроение ученикам в такое непростое утро понедельника – в восемь часов.

Я уже собиралась уходить, как вдруг один ученик (его звали Вова) вручил мне свёрнутое письмо и шоколадку. Сначала меня охватила радость: очень приятно получать подобные подарки, читать слова благодарности. К моему же удивлению, письмо было задумано с другой целью...

Когда я открыла его дома (по просьбе ученика), то обнаружила напечатанный на листе А4 текст. Его заголовок был таков: «Этот текст написан ИИ, который передаёт мои мысли. Почему я сделал именно так, для вас останется тайной». Такое вступление не может не заинтриговать, согласитесь.

Полностью цитировать письмо я считаю некорректным, но расскажу, какие мысли у меня появились во время его прочтения. Во-первых, очень грустно осознавать, что эстетика написания чего-либо от руки исчезает. Более того, даже для выражения собственных мыслей человек прибегает к помощи ИИ. Я предполагаю, что в данной ситуации это своеобразный протест: мол, вы учитель русского языка, а я дам вам текст, сгенерированный ИИ. В восьмом классе уже может проявляться юношеский максимализм.

Во-вторых, в письме не было ни слова благодарности. «Завуалированная обида» – так бы я его озаглавила. Ученик пишет: «И пусть за время Ваших уроков я получил две самые плохие оценки за диктант в своей жизни, а Вы по моей просьбе ни разу не вызвали меня к доске на простую задачу <...> я совершенно не злюсь». Становится очевидным, что составитель письма на меня всё-таки злится. Злость – это всего лишь чувство, расстраиваться из-за оценок нормально. Однако для меня удивительно, что виновницей тройки за диктант оказываюсь я, а не невыученное правило. И, кстати, я вызывала его к доске выполнить синтаксический разбор. Если для ученика это сложная задача, тогда о какой отличной отметке идёт речь?

В-третьих, несмотря на отсутствие похвалы, мне было всё равно приятно и трогательно читать это послание. Мои поступки, слова и действия были замечены. Может, я себя просто успокаиваю, но мне

кажется, что Вова считал меня авторитетной фигурой. Иначе он не вручил бы мне это письмо с шоколадкой.

Алина Холина

Остывший чай

Есть у учителей особая ревность, которая прячется за вежливой улыбкой и смайликом в мессенджере. Никогда бы не подумала, что мне придётся столкнуться с таким явлением во время первого же опыта работы в школе. К сожалению, жизнь зачастую преподносит не то, чего бы нам хотелось.

Я пришла в школу с горящими глазами, стопкой планов-конспектов и наивной верой в то, что учитель станет для меня проводником в мир, куда я так стремилась. Наша наставница, молодой преподаватель русского языка и литературы, при первом знакомстве очаровывала. Доброжелательная, улыбчивая, любимая детьми: на переменах к ней в кабинет стекались ребята из разных классов – пить чай, болтать, просто быть рядом. Руководство отзывалось о ней с уважением, и я, глядя на неё, думала: вот он, тот самый маяк, который укажет верный путь и поможет не потеряться в океане информации. Учительница, мой новый ориентир в мире преподавания, выдала учебники, календарно-тематическое планирование, рассказала о классах – каждому практиканту достался свой. Мне выпал 7 «Г», где классным руководителем была она же! Я ждала такого же тёплого, живого общения, какое она дарила детям.

Реальность расставила всё по своим местам: первое впечатление оказалось обманчивым. С нами, тремя студентками, учительница общалась сухо и формально: расписание, выставление оценок – и только. В ответ на наши планы-конспекты она присылала одобрительные смайлики, но чаще всего просто игнорировала сообщения. Ни рекомендаций, ни правок, ни подсказок по методике – ничего. Казалось, за этим смайликом стоит не равнодушие, а нечто более сложное: тихое, тщательно замаскированное отторжение. Когда в класс приходили методисты из вуза оценивать наши зачётные уроки, наставница просто исчезала в учительской, не желая ни комментировать уроки, ни, собственно, присутствовать на них. На занятиях курса «Россия – мои горизонты» она садилась на заднюю парту и принималась перешёптываться с учениками, смеяться, отвлекать класс – будто нарочно напоминая, кто здесь настоящий хозяин.

Я долго искала объяснение и, кажется, нашла: это ревность к статусу «своего». Учитель, который строит отношения с детьми на тонком балансе строгости и тепла, вдруг видит рядом молодых, энергичных, не обременённых отчётностью конкурентов. Мы приходили с новыми идеями, с желанием идти навстречу. И вместо того чтобы стать нашим союзником, она видит в нас угрозу своему особому

положению – тому, что подкреплено правом наказывать двойкой и одновременно разрешать пить чай в кабинете. Двойственность её положения – «друг» для детей и «посторонний» для нас – подтверждала мою догадку.

Обидно другое. Практика – это не соревнование за любовь класса, а первый шаг в профессию, где так нужна рука наставника. Я старалась, готовилась, волновалась, но не получила ни слова благодарности, ни напутствия, ни простого «у тебя всё получилось».

Ревность учителя к практиканту – проблема не личная, а системная. Она рождается там, где нет культуры наставничества, где молодого специалиста воспринимают не как продолжателя, а как соперника. И проигрывают в этой ревности все: студент, не получивший так нужных ему советов; ученики, не увидевшие во всей полноте свежего взгляда; и сама учительница, так и не рискнувшая стать кому-то старшей подругой. Я ушла из той школы с чувством, что мне не хватило того самого маяка, способного пролить свет на профессию преподавателя. Но, может быть, именно этот холодный опыт научил меня главному: настоящий учитель должен увидеть в практиканте не конкурента, а преемника, успех которого – это и успех наставника.

Мария Фурсова

Учитель – не профессия

Поступая на филологический факультет, я уже думала о том, что после его окончания хочу преподавать. Педагогическая практика помогла этой мысли перерасти в уверенность: я чувствовала, что нахожусь на своём месте. Но вместе с этим ощущением в дело вступил и рационализм, который заставил задуматься: а что значит быть учителем сейчас?

Прежде слово «учитель» ассоциировалось с уважением, статусом, миссией. Это была массовая, престижная профессия: педагогические институты пользовались огромным спросом, учитель воспринимался как центральная фигура культурной жизни, просветитель. Сейчас же, в XXI веке, на смену «служению» и «миссии» пришло понятие «образовательной услуги». Учителя из наставника и просветителя превратили в обслуживающий персонал. Но если учитель – это призвание, тогда почему педагоги массово увольняются из школ и отказываются от дела, которым горят? Почему же слово «учитель» сегодня звучит скорее как горькая ирония, чем как высокий комплимент?

По данным Минпросвещения, доля незакрытых вакансий учителей в школах составляет менее 1,2 %. Цифра кажется обнадеживающей. Однако статистика лукава: формально ставки могут быть заняты, а реально один учитель ведёт несколько предметов, «латая» «кадровые дыры». В сельских школах дефицит предметников ощущается острее: более половины педагогов сообщают о нехватке учителей математики, физики, русского языка и химии. Молодые специалисты не выдерживают высокой нагрузки и низкой зарплаты, а опытные коллеги часто отговаривают их идти в школу. Получается, что «призвание» сталкивается с суровой реальностью, в которой нужно не просто любить детей, но и уметь выживать.

И эта реальность измеряется в первую очередь в деньгах. Средняя зарплата в сфере образования в 2026 году – 71 345 рублей. Звучит прилично, пока не узнаёшь, как складывается эта сумма. Учителя часто работают на полторы-две ставки, чтобы получить её, так как в большинстве регионов зарплата за одну ставку (18 часов в неделю) зачастую едва превышает МРОТ. В отдельных регионах, например, в Ставропольском крае, средняя заработная плата школьного учителя составила 47,3 тыс. рублей, а учебная нагрузка достигает 29 часов в неделю. Для сравнения: по данным Росстата, в мае 2026 года работник в России в среднем получал 110 216 рублей в месяц. То есть человек с высшим образованием и колоссальной ответственностью получает существенно меньше среднего показателя по стране. И это не считая

«бюрократического налога»: бесконечные отчёты, заполнение журналов, подготовка к проверкам. Время, которое можно было бы потратить на детей, уходит на бумаги.

Считается, что учитель – это не профессия, а призвание. Но призвание не кормит, не покупает квартиру и не обеспечивает старость.

И если бы трудности ограничивались только деньгами, это была бы половина беды. Есть ещё одна сторона проблемы, о которой говорят реже. Это отношение родителей. С одной стороны, многие искренне благодарны педагогам, видя, как те вкладываются в их детей. Но с другой стороны, всё чаще учитель оказывается между молотом и наковальней. По данным опроса Общероссийского народного фронта, каждому третьему педагогу в России приходится справляться с психологическим давлением со стороны родителей. Исследования ВШЭ показывают: почти 80 % учителей сталкивались с тем, что их дразнили, а замечания игнорировали; более 70 % – с жалобами руководству по надуманному поводу. Учителя находятся в заведомо уязвимом положении: они имеют дело с несовершеннолетними, а возможности повлиять на ситуацию ощущают как ограниченные. Родители хотят видеть в учителе поставщика услуги, а не человека, выполняющего миссию. Они требуют, но не всегда доверяют. В такой атмосфере подозрительности выживает не тот, кто «призван», а тот, кто умеет защищаться.

Когда молодой учитель, полный энтузиазма, приходит в школу и сталкивается с зарплатой в тридцать тысяч, с родителями, которые видят в нём врага, и с администрацией, которая требует отчётов больше, чем уроков, его «призвание» проверяется на прочность. И, как показывает практика, многие не выдерживают. Потому что получается, что настоящее призвание – это не только любовь к детям и предмету. Это ещё и способность выдерживать. Выдерживать нехватку времени, нехватку денег, нехватку уважения. И оставаться при этом человеком, который умеет видеть в ребёнке личность и любит своё дело.

Приезжая в родной город, я всегда навещаю своих школьных учителей в знак уважения и благодарности за то, какие качества они во мне воспитали. Они не просто когда-то дали мне знания – они вложили в меня часть себя. До сих пор меня удивляет, из скольких «частей» состоит учитель, если он вкладывается в каждого ребёнка, которого учит. Моя классная руководительница окружала нас заботой и добротой, проводила каждый урок с горящими глазами, переживала за нас, как за своих детей, и видела в нас то, чего мы сами не замечали. Благодаря ей любовь к преподаванию передалась и мне. Именно моя классная руководительница стала проводником в школьный мир. И мне больно слышать: «Я люблю свою работу, но если бы заработная плата была выше, бумажной работы меньше, а уважения со стороны родителей – больше...» Моя классная руководительница, как и многие

учителя, которые по сей день выходят к доске, осталась в школе, несмотря на низкое денежное вознаграждение, отчёты и давление, потому что ей искренне нравится то, чем она занимается. Глядя на неё и других педагогов, я понимаю, что «призвание» – это не абстрактное слово из учебника, а конкретные люди, которые каждый день совершают тихий, незаметный подвиг.

Настоящее призвание – это способность выдерживать нехватку времени, денег и уважения, но при этом оставаться тем, кто умеет видеть в ребёнке личность. Учитель – это ежедневный выбор. Выбор не повысить голос, когда хочется, выбор верить в ученика, когда в него не верят даже родители. И если мы хотим, чтобы в школах остался тот, кто «призван», то необходимо сделать так, чтобы он был еще и «признан»! И ему желательно и платить достойно, и доверять. Учителя нужно уважать, учительство – сделать именно профессией, жизнь педагога - вывести за пределы понятия «тихий подвиг». Иначе совсем скоро некому будет произносить любые высокие слова – и учить тому же.

II.

А ЗА

**ОТМЕТКОЙ –
ЧЕЛОВЕК**

Диана Барабанщикова

Тишина

В школьном классе всегда немного пыльно. Даже если накануне здесь мыли полы, даже если утром дежурные старательно протёрли подоконники, даже если солнечный свет, пробираясь сквозь тюлевые занавески, делает воздух почти прозрачным. Стоит лишь присмотреться, и увидишь, как в нём медленно кружатся крошечные пылинки. Они оседают на учебниках, цепляются за края тетрадей, ложатся на учительский стол. Мне иногда кажется, что школьная пыль состоит не только из мела и частиц старой штукатурки. В ней есть что-то от времени, которое год за годом проходит через эти стены.

Во время педагогической практики я смотрела на учеников и пыталась разглядеть в них не просто класс, не тридцать с лишним пар глаз, устремлённых к доске, а отдельные, пока ещё не до конца сформировавшиеся миры. Они были шумными, насмешливыми, иногда удивительно чуткими, иногда поразительно равнодушными. Они умели дружить так, словно дружба – самое естественное состояние человека, и ссориться из-за пустяков с такой серьёзностью, будто от этих ссор зависела судьба человечества. В их голосах уже угадывалась взрослая уверенность, а в поступках ещё то и дело проступало детство, которое они, кажется, сами торопились от себя отдалить.

А для чего дети приходят в школу?

Ради ответов? Разве не для того существуют учебники, формулы, правила? Я, стоя у доски, чувствовала почти физическое облегчение, когда после нескольких секунд тишины кто-нибудь наконец поднимал руку. Мне хотелось, чтобы урок состоялся, чтобы мои объяснения не растворились в гуле тишины, чтобы в конце сорока пяти минут можно было мысленно поставить маленькую отметку: получилось, они заинтересовались.

Однако очень скоро я заметила, что ответ и мысль учеников – вовсе не одно и то же.

Однажды, объясняя материал, я задала классу вопрос. Он не требовал ни особой эрудиции, ни исключительных способностей. Нужно было лишь сопоставить два факта, заметить между ними связь и объяснить, почему одно могло привести к другому.

– Кто попробует ответить?

Класс молчит, руки не поднимались. Среди учеников нашёлся герой, который решился дать ответ. Услышав его верный ответ, я спросила:

– А почему ты так думаешь?

Он замолчал.

Это была короткая пауза, едва ли дольше нескольких секунд, но мне почему-то запомнилась именно она. Мальчик смотрел на меня с

выражением человека, у которого неожиданно попросили предъявить документ на собственную уверенность. Он чуть улыбнулся, пожал плечами.

Кто-то выкрикнул другой вариант, кто-то принялся торопливо перелистывать учебник. Девочка у окна продолжала смотреть в тетрадь. В классе повисло напряжение от повторенного мной вопроса.

– Почему у Вас всегда так много «почему»?

Это спросил мальчик, давший верный ответ. Он действительно не видел проблемы. Ответ был найден, нужная клеточка в мысленной таблице заполнена, можно было двигаться дальше. Зачем задерживаться на дороге, если уже добрался до пункта назначения?

Я хотела объяснить ему, что иногда дорога важнее пункта назначения.

– А почему ты считаешь, что должен звучать только ответ на вопрос без его объяснения?

Человек, умеющий назвать истину, ещё не обязательно понимает её. Но в тот момент мне не хватило простых, точных слов.

Мальчик молчал.

– Артём, а важно ли для тебя уметь объяснять свою точку зрения? Ценишь ли ты умение других людей постоять за свои слова?

Ученик лишь робко кивнул. За окном качались ветви деревьев. Я смотрела на учеников и думала о том, как незаметно мы привыкаем к миру готовых ответов.

Возможно, дело было вовсе не в этих детях. Было бы слишком просто объявить их ленивыми, невнимательными, неспособными к самостоятельному мышлению. В конце концов, они не сами придумали мир, в котором уверенная формулировка порой производит большее впечатление, чем честное признание: «Я не знаю».

Они росли среди поисковых строк, мгновенных подсказок и бесконечной смены изображений. Стоило возникнуть вопросу – и где-то рядом уже находился тот, кто обещал ответить за секунду. Информация перестала быть редкостью; редкостью постепенно становилась необходимость самостоятельно с ней что-то делать.

Но разве технологии виноваты в том, что человек предпочитает не думать? Разве прежде школьники не списывали, не заучивали, не пытались угадать, чего от них ждёт учитель? Нет, соблазн лёгкого пути старше любого поисковика. Изменилась не сама человеческая слабость, а её удобство. Теперь между вопросом и готовым ответом почти не осталось расстояния – того пространства, в котором рождается сомнение, совершается ошибка – и наконец появляется собственная мысль.

И школа, призванная научить ребёнка преодолевать это расстояние, порой сама невольно помогает ему его сократить.

Правильный ответ безопасен. Его можно записать, выучить, воспроизвести и получить за него отметку. За ним удобно спрятаться. Он избавляет от необходимости открывать собственное незнание, а вместе с ним – от риска ошибиться. Для подростка, чья личность ещё только складывается под чужими взглядами, ошибка бывает не просто ошибкой. Иногда она кажется почти разоблачением.

Может быть, поэтому они так отчаянно хотят быть правыми.

Но если ребёнок боится ошибаться, сможет ли он когда-нибудь научиться искать? Если его хвалят только за результат, поймёт ли он ценность усилия?

В тот день я впервые подумала о том, что за привычкой давать правильные ответы может скрываться не только нежелание работать, но и страх самостоятельно мыслить. А за этим страхом – гораздо более серьёзная проблема, чем несколько невыполненных домашних заданий.

Мне вспоминается и другое.

Школьник, который всегда учится хорошо. Он знает правила, помнит даты, умеет решать задачи по образцу. Его тетради аккуратны, ответы точны, а учителя говорят о нём с одобрением. Он привык доверять проверенным схемам и редко задаёт вопросы, не предусмотренные программой. Однажды этот мальчик становится свидетелем того, как в школьном коридоре обижают младшего ученика. Он понимает, что происходит нечто неправильное. Но рядом стоят его приятели, и ему страшно оказаться следующим.

Он молчит.

Позже, на уроке обществознания, учитель спрашивает, что такое справедливость. Мальчик поднимает руку и безошибочно воспроизводит определение из учебника.

– А как ты думаешь, – уточняет учитель, – почему люди иногда не поступают справедливо, даже когда знают, что правильно?

Мальчик снова смотрит в тетрадь.

Что он ответит? И какой ответ будет правильным?

Можно объяснить его поступок давлением коллектива, страхом, возрастной незрелостью. Но всё это не отменит главного: в конкретную минуту знание о добре не стало добрым поступком.

Конечно, нельзя требовать от каждого ребёнка героизма. Нельзя судить о человеческой личности по одному мгновению слабости. Но именно в этом и заключается тревога: между тем, что человек знает, и тем, как он живёт, может пролегать пропасть. И если образование не помогает хотя бы замечать эту пропасть, то чего стоят все выученные определения?

Мне кажется, здесь и начинается настоящая ответственность учителя.

Не там, где он безошибочно объясняет правило. Не там, где успевает пройти все параграфы и выставить отметки в журнал. Даже не там, где его ученики показывают блестящие результаты. За школьной программой скрывается нечто большее – то, что невозможно вписать в календарно-тематическое планирование, проверить тестом или выразить в процентах успеваемости.

Учитель встречается с человеком раньше, чем тот окончательно становится собой.

Я вспоминаю, как трудно бывает выдержать молчание класса. Когда задаёшь вопрос и не получаешь ответа, возникает почти непреодолимое желание помочь: подсказать, направить, произнести начало фразы, за которое ученики смогут ухватиться. Тишина кажется поражением.

Но, может быть, не всякая тишина пуста.

Иногда ребёнок действительно думает. Он перебирает варианты, сомневается, мысленно возвращается к сказанному. В этот момент происходит нечто, чего не увидишь в журнале и не отметишь галочкой. Человек впервые пытается не повторить чужую мысль, а выстроить собственную. И если учитель не выдержит паузы, если поспешит заполнить её готовым объяснением, эта попытка может так и не состояться.

Наверное, учить думать труднее, чем учить отвечать. Для первого нужны терпение, внимательность и внутренняя свобода – умение позволить ученику не соглашаться, ошибаться, задавать неудобные вопросы. Нужно не бояться, что однажды ребёнок спросит: «А почему вы так считаете?» И не воспринимать этот вопрос как покушение на собственный авторитет.

Ведь настоящий авторитет, как мне кажется, не нуждается в том, чтобы каждую минуту доказывать свою непогрешимость. Напротив, он начинается там, где взрослый способен честно сказать: «Я не знаю. Давай разберёмся».

В этом признании нет слабости. Есть уважение к истине, которая не становится менее значительной оттого, что её поиск требует времени. Есть пример, который ребёнок может запомнить гораздо лучше очередного правила: не знать – не стыдно; стыдно отказываться узнавать, лишь бы не показаться незнающим.

Невозможно воспитать справедливость одним разговором о справедливости, как невозможно научить доброте, заставив переписать определение из словаря. Учитель воспитывает не только тогда, когда говорит. Он воспитывает интонацией, с которой обращается к слабому ученику; тем, как реагирует на насмешку; тем, позволяет ли сильному унижать того, кто не может ответить. Он воспитывает собственной способностью признать ошибку, не унижая себя и не унижая другого.

Школа не может устранить все несправедливости мира. Учитель не способен защитить каждого ребёнка от каждого разочарования, не может предусмотреть все ситуации, в которых его ученикам предстоит сделать выбор. Но он может дать им нечто, что окажется рядом в минуту, когда готового ответа не будет.

Алёна Андреева

Стеклянный человек

Недавно я вернулась с педагогической практики. Честно говоря, я шла в школу с ощущением, что я почти Лев Толстой, только без бороды. В моей голове было сто планов, как я буду «сеять разумное, доброе, вечное» в пятом классе. Реальность оказалась куда сложнее, чем в учебниках по методике преподавания литературы. Я столкнулась с проблемой, о которой обычно говорят в новостях, но которая в тишине школьного кабинета выглядит особенно заметно. Это проблема одиночества и невнимания. И мой герой этой истории был вовсе не хулиганом с последней парты.

В пятом «Б» учился мальчик, назовем его Миша. Тихий, в очках с толстыми линзами, в вечно сползающем свитере. Он напоминал мне персонажа из рассказов Чехова, такого человека в футляре, только маленького и немного испуганного. Класс его не бил, не обзывал грубыми словами. Нет, все было тише и незаметнее. Его просто не замечали. На переменах он стоял у окна, на уроках, когда весь класс смеялся над шуткой учителя, он один смотрел в парту. Класс выбрал тактику тихого отчуждения. И знаете, что самое неприятное? Взрослые делали вид, что все в порядке. «Миша сам по себе, он интроверт», – говорила одна из учителей. Для меня, филолога, это было равносильно фразе «Он сам выбрал быть один».

Однажды на моем уроке по русскому языку я, стараясь быть современной и интересной, предложила пятиклассникам игру:делиться на группы и написать коллективный рассказ, поскольку тема была связана с повествовательным типом речи. Ребята загалдели, начали сдвигать парты. И только Миша сидел неподвижно. Я подошла и спросила, почему он не идет к ребятам. Он посмотрел на меня сквозь очки, и в его глазах было столько грусти, что мне стало не по себе. «А меня никто не берет, Алёна Сергеевна. Я же не такой, как они». Я обернулась. Класс замер. Тишина стояла такая, что было слышно, как скрипит мел в руке другого учителя за стеной. И вот тут я поняла, что это мой момент. Или я сейчас – как учитель, как человек – что-то меняю, или просто прохожу мимо.

Я не стала кричать и стыдить детей. Это бесполезно, они бы просто затаили обиду. Я села рядом с Мишей и громко, чтобы слышали все, сказала: «Знаешь, Миша, у меня в школе была похожая история. Я была в очках и с книжкой, и меня тоже не всегда брали в команду. Но потом выяснилось, что я лучше всех в классе придумываю сюжеты. Ты будешь главным сценаристом в моей группе». Я сделала вид, что набираю команду, и за мою парту сели те, кто удивился. Потом еще двое. Сначала они просто смотрели, как Миша, краснея, но увлекаясь,

придумывает историю про робота, который потерял свой код. А потом начали спорить с ним, добавлять детали. Конфликт справедливости и несправедливости разрешился не лозунгами, а тем, что в самом центре урока литературы вдруг стало важным не то, кто круче одевается, а кто придумал самую интересную развязку.

Я не скажу, что после этого Миша стал душой компании. Но когда я уходила с практики, он подошел и подарил мне свой рисунок, того самого робота. А еще я видела, как на перемене он стоял не у окна, а рядом с партой мальчика, с которым они вместе писали рассказ. Это ли не маленькая победа? Это и есть та самая злободневная проблема, которая не всегда требует громких статей, но требует человеческого участия здесь и сейчас.

Я поняла одну простую вещь. В школе нельзя быть «стеклянным» взрослым, просто наблюдателем. Если ты видишь несправедливость, даже такую тихую, как невнимание, ты обязан вмешаться. Иногда для того, чтобы разрушить стену, достаточно просто протянуть руку тому, кто за ней стоит, и сказать: «А давай попробуем вместе».

Софья Митина

Ангелочки и тени взрослых

Он влетает в класс, как всегда, последним: светло-русый, растрепанный, с озорной улыбкой, с голубыми глазами цвета неба, которое обещает и ясность, и бурю. Одноклассники привыкли к нему, а в учительской о нём говорят особым тоном: «Ну вы только посмотрите, он опять...»

Я познакомилась с этим учеником во время практики, когда вела уроки русского языка и литературы в шестом классе. Внешне – просто ангел. Список его «подвигов» я получила раньше, чем увидела его самого: разговаривает на уроках в полный голос, гоняет по коридорам, чуть не сбивая первоклассников. Так и оказалось. Своими глазами я это увидела во время уже второго прихода в школу, на четвертом курсе: в прошлом учебном году Кирилл не появлялся все недели, что проходила первая практика. Теперь же он сидел за последней партой и жил как будто в параллельной вселенной, изредка возвращаясь в нашу, чтобы громко, не понижая голоса, отпустить шутливую реплику в ответ на обращение учителя к классу.

Однажды он отпросился на уроке в туалет и не вернулся. Урок был зачетный: в кабинете сидели методист, мой учитель-предметник, однокурсники, и прервать работу я не могла. Когда наконец обратила внимание, прошло уже минут пятнадцать. Искать и возвращать мальчика пошла учительница.

После этого классный руководитель запретил всему классу выходить с уроков. Правильно ли это? Думала я об этом случае долго. За «сбежал в туалет» стоит не столько злая продуманная выходка, сколько импульс шестиклассника, который живет не по расписанию звонков. И наказание досталось не ему одному, а тридцати детям, которые не могли на него повлиять.

Было ли в этом запрете то, что взрослые называют справедливостью? С одной стороны, коллективная ответственность должна сдерживать порывы эмпатичных детей. С другой – ученики, у которых не было ни одной возможности удержать одноклассника, расплачивались за его побег вместе с ним. А главный «обвиняемый» запомнил только, что всех наказали из-за него, и это знание сделало его не дисциплинированнее, а лишь осторожнее, пока рядом есть взрослые.

Ирония в том, что дисциплина, навязанная страхом, живет ровно до следующего звонка.

В другой день учительницы не было в школе, я осталась с классом одна. И посреди нашего урока началась учебная пожарная тревога.

Выводила детей на стадион, как и все: выстроились по парам цепочкой, а я, по незнанию, встала ближе к концу шеренги.

Кирилл подошел и сказал: «Учитель обычно впереди идёт». Не дерзко, по-доброму информативно. Я ответила: «Тогда следите за концом строя». И он следил, чтобы никто не отставал и не терялся. С одноклассниками, серьезно, по-настоящему – пока не увлекся на обратном пути и не начал носиться в середине строя. Потом опомнился, крикнул другу Ярославу, чтобы тот держался с ними, и они бегом вернулись в конец колонны. Крикнул он, правда, не самую литературную фразу, но смысл её я передала бы так: «мы же за концом строя следим».

Этот эпизод вспоминается мне чаще всего. Тот самый «неуправляемый» с радостью выполнял поручение. Не идеально: с криками, с «вылазками» за пределы строя, но выполнял. У него просто не было до этого ни одной причины хотеть быть дисциплинированным: дисциплина в его мире ассоциировалась только с «сядь, молчи, не разговаривай». А тут вдруг оказалось, что дисциплина – это ещё и «ты важен, ты помогаешь». Кажется, такие моменты и являются хорошими примерами педагогики, когда двоечник и нарушитель может оказаться рад любому поручению, если ему доверили его всерьёз.

После одного из уроков он сказал: «А вы добрая». Я тогда ничего особенного не сделала: просто не повысила голос, не поставила в угол, не пыталась пристыдить, не делала из него виноватого перед всем классом. Но для мальчика, к которому взрослые, судя по всему, чаще предъявляют претензии, чем проявляют интерес, это оказалось значимым.

В нём стало заметно и другое. Кирилл выразительно читает – так, что класс становится тише и с интересом прислушивается. Обычно на уроках он не вызывается отвечать, но у меня стал иногда тянуть руку. А на «Разговорах о важном», когда класс обсуждал, почему в детстве Галина Уланова не хотела быть балериной (носила матроску, ловила рыбу, мечтала стать моряком, играла в пиратов и следопытов), а с годами эта профессия стала смыслом её жизни, он вдруг сказал: «Может, ей нужно было сначала всё попробовать – разные занятия, – а потом уже решить». И его ответ был достаточно взрослой мыслью: путь к любимому делу иногда лежит через пробу всего подряд. На том же мероприятии я спрашивала детей, кто является для них авторитетом, кого они слушают, на чьё мнение опираются. Кирилл ответил: «Мой тренер. А из родителей... не знаю, наверное, мама».

И вот тут я хочу сказать то, ради чего, собственно, и пишу.

Когда ребенок в шестом классе не воспринимает учителя всерьёз, это редко бывает только про ученика. Дети не рождаются с определенным отношением к людям, они его копируют. Если дома за обеденным столом родные говорят про учителя: «да что она там

понимает», «денег им не платят, вот и выдумывают», – ребенок это слышит как норму: другие взрослые не в счет, если они не мои родители.

Антон Макаренко писал об этом почти сто лет назад: «Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома». Ребенок видит, как взрослые здороваются с соседями, как говорят о своих коллегах и о чужих ошибках, и выносит из этого главный урок, который не удастся перебить ни классным часом, ни красной строкой в дневнике.

Любой урок, любая доброта, любой методический талант упрутся в стену, которую построили дома, а не в классе. Дисциплина падает не потому, что учитель плохой, а потому, что для школьника он перестал быть авторитетом по той простой причине, что его самые близкие люди не проявили уважение и научили ребенка этому авторитету доверять.

И не всегда жесткий подход помогает воспитывать, а тем более перевоспитывать людей. Можно посадить, можно запретить, можно наказать весь класс за одного. И внешне всё будет выглядеть правильно. Но внутри у ребёнка тогда формируется расчет: как не попасться. Психологи называют это внешней дисциплиной, противопоставленной внутренней. Она существует только в присутствии контролирующего взрослого. Внутренняя – там, где ребенок принял правило как своё. И путь к ней лежит через доверие и уважение. Запреты тоже необходимы, но важно соблюдать баланс, совмещать доброту с требовательностью, что наверно самое сложное. Это как две ноги, на одной далеко не уйдешь. Не позволять то, что нельзя, но и не путать требовательность с холодностью.

Кирилл – всё ещё мальчик, который может прервать урок одной фразой. Но теперь я знаю, что за этой фразой стоит ребёнок, которому пока не показали, куда приложить его энергию, его выразительный голос, его неожиданно взрослые мысли и идеи. И показать это могут не только учителя: доверенное поручение, замеченный вовремя талант, уважение, которое он видит дома, – всё это окажется сильнее любого запрета. Прежде всего – те, кто ждет его дома. Те, кто, разговаривая по вечерам, ещё не знает, что каждое их слово о других людях завтра может отозваться в классе.

Анастасия Кузьмина

Папа-юрист

Я вхожу в класс, а за партами уже сидят двадцать пять человек – мой девятый класс. Класс общеобразовательный, без уклона – и, следовательно, без отбора. На момент второй практики их поведение не становится для меня сюрпризом, я вхожу в класс только с одним вопросом: что сегодня?

Ответ приходит не сразу, держится интрига. Я открываю журнал, отмечаю присутствующих. Прошу открыть тетрадь, записать число, классную работу и тему урока. Как ни странно, тетради открывают все, но для многих эти записи станут единственными за урок. Я задаю вопрос – простой, по предыдущей теме. Она была буквально вчера. А в ответ тишина. Не враждебная, не вызывающая, а просто пустая. Это закономерный ответ людей, которые не умеют работать ни с текстом, ни с учителем, ни с самими собой.

Я прекрасно понимаю, что происходит в этом классе: сама себе я уже давно дала ответ на это вопрос. Через проход летит небольшая резиновая уточка-пищалка – игрушка для собак, кто-то из мальчишек прицельно плюет в чужой учебник через парту: они не просто не хотят учиться, они проверяют меня. Каждый урок – это тест, который они устраивают взрослому человеку, стоящему у доски.

Игрушка-пищалка летит не для того, чтобы разозлить, а для того, чтобы проверить: остановлю или нет? И каждый прицельный плевок, и каждый неожиданный приступ активности, превращающийся в отжимания в проходе класса, это немой вопрос: «А вы заметите? А вы скажете что-нибудь? А вам вообще есть дело?» И когда они приводят случайных людей из коридора прямо посреди урока – это тоже проверка: «Есть ли здесь граница? А где вообще она проходит? И кто ее охраняет?»

Они будто тыкают в меня палкой, хотят посмотреть, треснет ли фасад, поддамся ли я – и когда я, взрослый человек, сдамся и махну рукой.

А потом я стала ставить двойки. Обычные двойки – не за плохое поведение, а за пустую тетрадь и отсутствие ответов. И получила ответ, который не ожидала. Хотя он меня и не удивил.

«Мой папа – юрист. Он вас засудит», – сказал мне один из мальчиков после урока. Не со злобой, а скорее с любопытством: он проверял, что произойдет, какая будет реакция. И тут я поняла: он ведь не сам это придумал. Он это где-то услышал. Скорее всего, дома. Может быть, папа даже действительно так говорил – про школу, про учителей, про то, как он «всем им покажет». А может быть, просто бросил на эмоциях, не думая, что ребенок запомнит.

Но он запомнил и теперь бросает ее в меня, как ту самую игрушку через весь класс. Смотрит на мою реакцию. Проверяет, дрогнет ли взрослый.

Я не дрогнула. Но и что ответить – тоже не нашла. Может быть, это даже хуже. Потому что за этой фразой стоит не злоба ребенка, а позиция взрослого человека, родителя, который научил школьника, что учитель – не авторитет, что на учителя можно давить, что ему можно угрожать, что свои обязанности – делать уроки, соблюдать дисциплину, уважать взрослого – можно не выполнять, а вот требовать можно всегда.

Это то, чему научили ребенка родители, пока школа пыталась научить его обратному. Разве школа перекричит дом?

Я не знаю готового решения. Я успела перепробовать несколько методов, но ни один из них не принес плодов. И мне кажется, что если родители не начнут воспитывать своих детей постоянно, а не от случая к случаю, то ничего не изменится.

Вместо того, чтобы приходить на родительские собрания с претензией к учителю, стоит сначала задать вопрос самому себе: что я сделал, чтобы мой ребенок уважал взрослых? Что я сделал, чтобы он научился и полюбил работать? И кем он останется в этой жизни, когда рядом не будет папы-юриста?

Воспитывать – это не просто обеспечивать ребенка необходимым материальным. Это каждый день объяснять ему, что такое граница, что такое уважение, что такое труд. Это то, что родитель не должен перекладывать на школу – мол, «и так сойдет».

И пока этого не произойдет, «мой» девятый класс останется таким, какой он есть. И уже другой учитель, войдя в кабинет, снова увидит летающую между рядами желтую уточку. И снова получит в ответ на двойку фразу про папу-юриста.

Но виноват будет не ребенок. Виноват будет тот, кто должен был его воспитывать, и не воспитал.

Арина Суркова

Урок хорошего поведения

Изложение в восьмом классе обычно проходит в рабочей тишине: скрипят ручки, кто-то вздыхает, кто-то украдкой косится в соседнюю тетрадь. В тот день тишина была особенно образцовой. Я радовалась и ещё не знала, что она имела последствия.

Текст был непростой. Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал о том, что самое хорошее поведение определяется не внешними рекомендациями, а душевной необходимостью. Он сравнивал жизнь с велосипедом: сначала мы следуем советам взрослых и думаем, куда повернуть руль, а потом едем свободно и не думаем о правилах. Метафоры, сравнения, рассуждение. Для восьмиклассников это серьёзное испытание, и я готовилась к худшему.

Но ребята справились. Одни честно пересказывали мысль своими словами, и по неровным, живым предложениям было видно, что пишут они сами. Другие успели записать за мной фразы из текста и бережно вплели их в свои работы. Я проверяла тетради и тихо гордилась классом.

А потом дошла до последней работы, и картинка в голове сложилась. В тот момент я подумала: «Где-то я это уже видела». Начала перебирать тетради – и вот оно! Вторая тетрадь с совершенно такой же работой.

Ребята сидели в противоположных концах кабинета. Почерки разные, характеры разные, а изложения одинаковые. Слово в слово, запятая в запятую, даже абзацы начинались в одних и тех же местах. Такое совпадение не случается само. Так выглядит образец с сайта, который два человека, не сговариваясь, нашли в одном и том же месте. Велосипед в их работах ехал по абсолютно одинаковой траектории. Более того, так же ехал он даже в моем конспекте урока.

Работу я не засчитала. Комментировала спокойно и лично, подошла к каждому отдельно, чтобы не устраивать представления для публики.

Но в школе нет ничего публичнее «личного» разговора. Пока я объясняла, вокруг стола незаметно собрался весь класс. Сначала просто стояли рядом. Потом кто-то сказал: «Они же старались». Кто-то добавил: «Они просто не поняли текст». Третий выдвинул довод, что «все иногда списывают, а раз ты не пойман – не вор». Аргументы множились как грибы после дождя. Ребята защищали друзей горячо и искренне, и тетради мне отдавать не хотели. Я стояла у стола, вокруг меня плотным кольцом стоял весь восьмой класс, и это была настоящая круговая порука.

Самое смешное, что защищали товарищей те самые ребята, которые минуту назад честно писали о том, что хорошее поведение

идёт от души. Они защищали друзей так самоотверженно, что тема изложения вдруг ожила прямо в кабинете.

Тогда я сказала то, что, как мне кажется, было главным. «Ребята, посмотрите на то, о чём вы писали. Тема изложения – хорошее поведение».

Стало тихо. Кто-то опустил глаза. Кто-то усмехнулся, потому что ситуация вдруг стала по-настоящему комичной. Мы пытались решить, как правильно поступить, на уроке, где обсуждали именно это. Никакие правила тут были не нужны: хватило самой темы.

Тетради мне вернули. Спорить никто не стал.

Неделю спустя я вспоминаю этот случай с улыбкой. Лихачёв писал, что учиться жить надо так же, как учиться ездить на велосипеде: сначала с подсказками, потом без. В тот день весь класс получил урок вождения. Двое упали, остальные побежали их поднимать. Руль, кстати, мы повернули в нужную сторону.

III.

ЧУВСТВО

МЕСТА

Ольга Закаблук

Земля и небо. Между ними – человек

Выбирая путешествие на автомобиле в наше время, стоит задуматься о неизбежном столкновении с тем массивом реального мира, который существует незаметно для городского человека с ограниченными маршрутами передвижения. Выдвигаться в путь нужно непременно рано, иначе есть риск сонно и ленно трястись по просёлочным дорогам; встав же с восходом солнца, обязательно застанешь пробуждение мира, так приятное глазу едущего вперёд, к горизонту.

Воронеж и место рождения авиаконструктора и механика Николая Поликарпова и его друга, художника Анатолия Лесника, – городок Ливны – разделяет почти 200 км извилистых поселковых дорог. Проедешь мимо знакомых с детства Семилук, Ендовища, Землянска – и вдруг понимаешь: ведь очень близки сердцу эти столь разнообразные (и грунтовые, и асфальтированные, и плохо асфальтированные, и умеренно отремонтированные) участки пути. А почему? И широта золотых нив, и узкие полосы медово-жёлтого подсолнечника вдоль берёзовых посадок, и чья-то пасека в пролеске на три десятка ульев – всё это воспринимается приметой родной, но почему-то не полностью принадлежащей тебе самому жизни. Или, может, дело в разбросанных то слева, то справа домиках с черепичными крышами и привалившимися рядом сарайчиками, в глубине которых взгляд ухватит или корову, или насесты кур. На карте незатейливые названия местных сёл и деревень: Долгое, Новосильское, Троицкое, две Берёзовки, две Васильевки... Незатейлив и местный колорит.

Между тем воодушевление и яркое, нашедшее, будто прилив, чувство привязанности к малой родине сменяется некоторой настороженностью. Вот за пару минут проехали деревеньку: взгляд ухватил лишь с десятков домов, кладбище вдалеке и узкую, мелкую речушку вроде Быстрика. Ощущение родства с этим бытом и – одновременно – чувство вины за его словно обмельчавший вид захватывает, заставляя забыть о намеченных на долгий путь занятиях. Всё думать и думать хочется, откуда же оно, почему при виде полупустых и заброшенных дворов теснится внутри тяжёлое чувство, какая-то малообъяснимая тоска по тому, чего и не знал никогда, не испытывал, будучи городским жителем.

Раскинутые, покуда хватает глаз, поля, очерченные пунктирными или плотно штрихованными лесополосами, – и эти редкие деревушки; маленькие городки с магазинами, церквями, школами и памятниками защитникам – и снова бледная россыпь построек с покосившимися

заборами; кирпичный завод на окраине и стадо с электропастухом в Брянщине рядом с украшенными резными наличниками окнами – мелькают-мелькают за окном, не давая оторвать от себя взгляд. Почему-то именно при виде этих чьей-то рукой вырезанных наличников всё невнятно метавшееся группируется в ощущение потери какой-то глубинной связи человека с миром, землёй и небом.

Будто отказываясь от деревни в пользу города, мы все теряем что-то значимое, истинно собственное русской душе. В ритме города (даже маленьких Ливен) будто нет места таким размышлениям о человеке; почему-то только остановившись вдруг посреди глухого леса у какого-то села, засмотревшись на сверкающие на солнце купола местной церквушки – только тогда поймёшь, как «сладок сердцу Божий мир», почему так отрадно видеть на карте обратной дороги родные места Воронежской области, родное село... И почему такой простой, понятной и настоящей кажется деревня. Можно ли проехать мимо и не задуматься о своих корнях, об уходящем, видимо, навсегда мире пятистенок, резных наличников, рушников и двойных рам на продуваемых окнах? И неужели можно оставить этот мир и не попытаться его сохранить?

Анна Николаенко

Аналоговый ренессанс

Я стою в магазине альтернативной музыки «Alternation», где на полках тесно от чужих музыкальных вкусов. Листаю коробку с CD. Не только новых, но и тех самых, из нулевых: обложки под пластиковой крышкой кейса, вкладыш с текстами, который можно развернуть и прочитать, пока играет вступление. Я беру один, верчу в руках и понимаю, что не могу его не купить – просто потому, что он существует физически. Дома у меня таких уже два десятка. Рок двухтысячных, купленный на «Авито», на сайтах, заказанный из-за рубежа, – коллекция, которая не имеет никакой финансовой ценности, кроме той, что я сама ей придумала.

Привычка выбирать диски вместо использования очередного приложения-плеера – моё личное дорогое, но приятное удовольствие. Этот интерес вызван не ностальгией по прошлому, не удобством, а желанием выбрать себя – выбрать, как потреблять культуру в мире, который в попытке упростить жизнь лишает её индивидуальности.

Вика: использует плёнку

Вика учится на третьем курсе, ей двадцать два, и у неё в сумке всегда лежит Yashica. Не потому что «винтаж», а потому что «иначе неинтересно». Она рассказывает, как впервые отдала плёнку на проявку: «Я несколько дней ждала, и всё это время не знала, что там получилось. Это было ужасно. И когда я увидела свои смазанные, местами засвеченные фотографии – это было лучшее чувство за год». И тем не менее, разглядывая фотографии из её альбомов, я замечаю, что снимок представляет из себя не только красивую картинку, но и ценный предмет, имеющий для владельца психологическое значение. Возможность присвоить, повзаимодействовать с изображением тактильно – совершенно другой уровень восприятия.

И молодых фотолюбителей, которые используют аналоги (мыльницы, зеркалки, фотокамеры моментальной печати), действительно много на сегодняшний день. За восемь месяцев 2026 года число покупок плёночных фотоаппаратов выросло на 12% к прошлому году – это спокойный, устойчивый рост. Покупки Polaroid и камер моментальной печати за первое полугодие подскочили на 79%.

Среди владельцев такой техники, как правило, мало профессиональных фотографов – и в этом особая притягательность аналоговых снимков. На цифровой камере ради удачного кадра можно сделать сколько угодно попыток. Аналоговый снимок ценен уже тем, что он есть: это момент, запечатлённый в вещи. Вика выбирает несовершенство, потому что оно её. В мире, где всё отретушировано и

приведено к одному стандарту, плёнка – это разрешение быть неидеальным. Это ниша, в которой уникальность не мешает, а является пропуском.

Максим: использует плеер

Максим старше, ему двадцать шесть, он работает и недавно купил MP3-плеер. Не из ностальгии – ему было двенадцать, когда все переходили на смартфоны, и отдельного плеера у него толком не было. Он купил его, чтобы слушать альбомы целиком.

«Я включаю альбом и не могу пролистать. Нет такой функции. И это лучшее, что со мной случилось за год», – говорит он, и я понимаю, о чём он.

Именно эта категория выросла сильнее всех. За первый квартал 2026 года продажи портативных плееров выросли почти на 48% – до 45 тысяч устройств. И почти 70% из них стоят дороже 1 500 рублей: люди берут не самый дешёвый китайский «свисток», а осознанно выбирают устройство. Каждый третий такой плеер работает только с картой памяти – то есть покупатель сам решает, что там будет лежать. Это маленький, но важный жест контроля: моя музыка, мой список, моя кнопка.

Максим не просто слушает музыку. Он транслирует свой подход. Техника даёт ему язык, чтобы сказать о себе что-то, чего не скажешь через плейлист, собранный алгоритмом. Уникальность здесь – в осознанном выборе неудобства: нельзя пролистать, нельзя переключить, зато можно выбрать.

Моя история скромнее. Я не покупаю плёнку и не ношу плеер. Я собираю диски рок-музыки – той, что слушала моя семья, когда я была маленькой, и той, что я потом нашла сама. У меня есть ритуал: я достаю диск, открываю кейс, вставляю в дисковый проигрыватель (потому что не во все ноутбуки сейчас можно вставить диск) – и слушаю не вычищенный звук со студийной акустикой, а живой звучащий трек, с характерными шумами, звук которых возвращает меня в детство.

И вот что интересно. CD-плееры – самая быстрорастущая категория. За восемь месяцев 2026 года их штучные продажи выросли на 16% к прошлому году. Средняя цена – около 9 600 рублей. Дороже годовой подписки на приложение-плеер, но дешевле винила. И это, кажется, идеальная точка входа: ты уже не просто слушаешь музыку на фоне, как было бы в наушниках через смартфон, ты совершаешь действие.

Почему это не просто мода

Если послушать Вику и Максима, становится понятно: дело не в ностальгии. Ни Вика, ни Максим не застали эпоху, по которой можно

ностальгировать. Плёнка и плеер для них не «как раньше», а «как иначе».

Исследования это подтверждают. Работы 2025 года о поколении Z и аналоговых носителях говорят прямо: это не пассивная ностальгия, а конструирование идентичности и сопротивление однородности цифровой визуальной культуры. Аналог возвращает нам то, что смартфон давно превратил в невидимый жест: нажал – и готово. Продукт процесса, который раньше занимал время, а теперь укладывается в секунду, снова можно потрогать, рассмотреть, присвоить. И это не мелочь: за такой осязаемостью стоит вполне ощутимый психологический эффект – вещь, прошедшая через руки, остаётся с тобой иначе, чем файл в облаке. Именно поэтому каждый из этих носителей – не просто формат, а отдельная ниша: со своим ритуалом, своим сообществом и своим способом сказать «это моё».

Я захожу в те же магазины и на те же сайты раз в месяц. Иногда покупаю диск. Иногда просто смотрю на диски на сайтах и считаю, сколько мне нужно отложить. И знаете, что я поняла? Мой аналоговый ренессанс начался не с покупки. Он начался с паузы – с того момента, когда я остановилась, взяла в руки предмет и поняла, что могу потратить на него время.

Вика ждёт, пока проявят плёнку. Максим слушает альбом, который не может пролистать. Я открываю вкладыш с текстами. Все мы делаем одно и то же. Мы покупаем право сказать: «Это моё. Я так выбрал».

Екатерина Рыбина

Верхнее Турово

Я стою у святого источника в Верхнем Турове – это первое место, куда мы заезжаем по дороге домой, и будто слышу, как прошлое шепчет мне сквозь струи воды. Этот источник давно стал сердцем села: к нему идут с утра старушки с эмалированными бидончиками, сюда сбегаются босоногие мальчишки, чтобы умыться ледяной водой, и сюда же приезжают люди издалека – за тишиной, за чистой водой, за чем-то, что трудно назвать словами. Говорят, вода здесь особенная: в ней будто растворена память и терпение этих мест. И правда – пьёшь и чувствуешь, как внутри становится спокойнее, будто земля сама тебя уговаривает: «Не торопись».

Рядом с источником живёт матушка Анна – тихая, неторопливая, с руками, на которых время оставило целую карту прожитых лет. Она знает каждую тропинку вокруг села, каждую историю про старые дома, которые уже почти скрылись под плющом и диким виноградом. Слушая рассказы матушки Анны, словно делаешь ещё один шаг вглубь прошлого: она помнит, как в детстве бегала к меловым горам, они и сейчас стоят над селом, словно древние стражи, белые, строгие, чуть отстранённые от суеты. Летом на их склонах пахнет полынью и нагретым камнем, а осенью по этим склонам стекает особенный свет, очень мягкий, золотистый, будто сама природа хочет напоследок обнять эти места покрепче.

Сразу после источника я еду к бабушке Валентине Митрофановне. В её доме пахнет сушёной мятой и старой бумагой – она всю жизнь собирала слова, складывала их в строчки, а теперь у неё даже есть свой сборник стихов. Когда она рассказывает про русалок, голос у неё становится чуть тише, будто она боится спугнуть ту самую тонкую грань между былью и сказкой. Но в её рассказах нет пустоты: русалки у бабушки – не просто волшебные существа, а хранительницы речных берегов, те, кто напоминает людям, что природа живая и требует уважения. И слушая её, я понимаю: эти истории – тоже своего рода учебник того, как быть внимательным к миру.

А будто продолжая бабушкины рассказы, совсем недалеко от её дома бежит речушка Колотушка, петляя между лугами, словно не хочет торопиться. На этих лугах пасутся коровы, они никуда не спешат – просто жуют траву, слушают птиц и смотрят, как по склонам бегают сурки. А где-то в высокой траве, если повезёт, можно заметить лисицу, осторожную, красивую, будто она тоже часть этого тихого порядка. Луга здесь дарят ощущение того, что ты дома.

Неподалёку – пруды. Летом они блестят на солнце, а по утрам над водой стелется лёгкий туман. Сюда приходят посидеть в тишине,

послушать, как кричат утки, как плещется рыба. Для детей это место открытий: они учатся замечать следы на берегу, различать голоса птиц, понимать, что природа не любит спешки. И именно здесь, у воды, особенно ясно становится: чтобы любить свою землю, её нужно сначала узнать, потрогать, понюхать, услышать. А следом за прудами, будто приглашая дальше в этот неторопливый мир, лежит путь в Шустово. Туда каждое лето и осень отправляются целыми семьями: кто за грибами, кто просто побродить по лесу, где деревья растут так плотно, что кажется, будто они держатся друг за друга, чтобы не упасть от ветра. В Шустове время течёт иначе: здесь не смотрят на часы, здесь прислушиваются к шороху листвы, к крику сойки, к хрусту сухой ветки под ногой. И дети, которые сначала бегут вперёд, скоро начинают идти медленнее, потому что замечают: вот боровик выглядывает из травы, вот муравейник, похожий на маленький город, вот старый пенёк, на котором можно посидеть и отдохнуть. В такие моменты деревня учит без слов, она просто показывает, как устроен мир.

И этот тихий голос села сумел услышать поэт, киносценарист, лауреат нескольких литературных премий Евгений Григорьевич Новичихин – человек, который превратил его в строки. Его стихи знают почти все в селе: на праздниках их читают вслух, школьники учат наизусть, а старики кивают: «Мол, всё верно сказано, именно так мы и чувствуем». Он пишет про меловые горы и про речку, про добрые соседские разговоры и про то, как важно не забывать свои корни, а ещё про тяжёлые бои, которые шли в селе во время войны, и про остатки, которые каждый житель находит в своём огороде. Его заслуга в том, что он не даёт селу стать просто точкой на карте: он делает его живым, узнаваемым, любимым. Его произведения – это как фотография, только не глазами, а сердцем: они сохраняют то, что нельзя увидеть издалека, но можно почувствовать, если побыть здесь хоть немного.

Этот же бережный взгляд на родное пространство бережно передают и в сельской школе словно подхватывают эстафету, начатую поэтом и хранимую старожилками. Здесь не только учат читать и считать, но и помогают детям понять, что их село – особенное. На уроках ребята записывают рассказы старожилков, учатся слушать и задавать вопросы, собирают маленькие истории про свои улицы, про старые дома, про родник. В школьном музее хранятся письма, фотографии, предметы быта – и старшеклассники сами проводят экскурсии, будто передают эстафету: «Смотрите: это наше. Берегите». Так знания не остаются на страницах учебников, а становятся частью жизни: ребёнок узнаёт, что его бабушка когда-то училась в этом же классе, что дед чинил мост через Колотушку, что прадед сажал деревья, под которыми теперь играют дети.

Связь поколений здесь не звучит как красивая фраза – она видна в делах. Соседи помогают друг другу, старшие подсказывают младшим,

как пройти короткой тропой, где лучше собирать грибы, как не заблудиться в лесу. Дети впитывают это незаметно: видят, как взрослые относятся к земле, к воде, к соседям, и учатся тому же. И когда они вырастают, эта привычка – беречь, помогать, помнить – остаётся с ними.

Именно в таких местах особенно ясно, зачем нужно передавать знания детям. Не просто ради оценок и экзаменов, а ради того, чтобы они умели видеть, слышать, чувствовать. Чтобы знали, что их земля – не просто точка на карте, а место, где жили и трудились их предки, где каждая тропинка, каждый дом, каждый источник – это страницы семейной и общей истории.

Значимость деревни в современном мире – не в том, чтобы оставаться застывшим музеем прошлого, а в том, чтобы быть живым мостом между поколениями. Верхнее Турово – как раз такой мост. Село не кричит о себе, о нём знают мало людей, оно не старается казаться важнее, чем есть, но держит. Держит память, держит традиции, держит тепло человеческих отношений. И пока здесь живут такие люди, как матушка Анна, бабушка Валентина Митрофановна, поэт Евгений Григорьевич, пока дети бегают к источнику и собирают грибы в Шустове, пока соседи помогают друг другу без лишних слов – эта связь не прервётся. А значит, и будущее у этих мест есть.

Ариадна Володченко

Тихая угроза

Выходные в Москве выдались на удивление тёплыми и солнечными. Столица нечасто радуется хорошей погодой, когда я приезжаю. Субботний вечер был проведён в компании подруги: мы решили поехать в центр города и прогуляться. Прокладывать маршрут не пришлось – ноги сами вели нас по переулкам и бульварам. Несомненно, мои глаза были прикованы к архитектуре, хотелось рассмотреть всё до мельчайших деталей и запечатлеть на камеру телефона.

Улицы были довольно оживлёнными. Было приятно замечать, как кто-то прогуливался парами, кто-то – с друзьями и родственниками, а кто-то – загадочно в одиночку. В воздухе витало ощущение лёгкости и беззаботности.

Сгущались сумерки. Мы с подругой совершенно случайно вышли к Патриаршим прудам, хотя не планировали, но я была очень рада оказаться в месте, где когда-то снимали сериал «Мастер и Маргарита». Тут же оказался Иван Андреевич Крылов (памятник, разумеется), а также инсталляции, изображающие сюжеты его басен. Проходя мимо скульптур, мы вспоминали название каждого произведения баснописца. Москва горела огнями фонарей и вывесок. Время будто замедлилось.

Однако тишину нарушили резкий звук колёс и крик женщины. Мы сразу же обернулись и увидели неподалёку лежащую на тротуаре незнакомку и скрывшегося за поворотом человека на электросамокате. Наблюдать за этой картиной было крайне грустно.

По данным ГИБДД, за 2025 год в России произошло около трёх тысяч ДТП с участием средств индивидуальной мобильности. Москва – абсолютный лидер по количеству аварий с электросамокатами. За 2025 год в столице зафиксировано 629 ДТП, в которых погибли четыре человека и пострадали 660.

Проблема не в самом изобретении. Проблема в людях, которые им управляют. В психологии тех, кто, вставая на самокат, вдруг чувствует себя неуязвимым. Они летят по тротуарам, где гуляют мамы с колясками, идут пожилые люди и просто прохожие, не ожидающие удара в спину. И самое страшное – это чувство безнаказанности. Если водитель автомобиля, нарушивший правила, рискует получить штраф и лишиться прав, то самокатчик зачастую просто исчезает в толпе.

Мне хочется верить, что когда-нибудь люди научатся уважать друг друга. В противном случае каждого из нас на улице будет поджидать такая тихая угроза. И это – не только беспринципные водители электросамокатов.

Эвелина Шерстяных

Джейн Доу

В Америке есть традиция: если находят погибшего человека, личность которого не могут установить, то его – в зависимости от пола – называют Джон Доу или Джейн Доу. Но сейчас Джейн Доу – это стандартный условный псевдоним, который используется вместо настоящего имени в судах и расследованиях, чтобы защитить конфиденциальность женщин, переживших насилие, или несовершеннолетних, скрывая их реальные персональные данные от огласки.

Я не знаю настоящего имени той Джейн Доу, о которой расскажу. Или как выглядит Джейн Доу. Знаю только, что два года она добивалась того, чтобы ее услышали, и что услышали ее не сразу и не те, кто должен был.

В октябре 2024 года семь студентов Корнеллского университета предположительно накачали наркотиками студентку Джейн Доу, после чего неоднократно насиловали ее в течение семи часов. Никто из них не был арестован. Двоих отчислили, а остальных заставили... писать эссе, посещать обязательные семинары или отбыть короткие сроки отстранения от занятий. Университет знал их имена и фамилии, администрация знала о факте изнасилования, так как Джейн почти сразу сообщила об этом в полицию. С того момента прошло уже два года, и мы узнаем об этом только сейчас, потому что университет все это время молчал. Молчал, пока Джейн боролась за право быть услышанной.

В чате студенческого братства, куда один из насильников отправил сообщение о «бесплатном сексе» и пригласил присоединиться, состояли 57 участников, и никто из них ничего не сделал, чтобы всё это остановить. В комиссии, которая назначала так называемые «меры наказания» за групповое изнасилование женщины, состояли только преподаватели-мужчины. Окружной прокурор утверждал, что Джейн сфабриковала дело, что все произошло по обоюдному и осознанному согласию. И только после гражданского иска история стала публичной. Наконец она приобрела огласку. Наконец об этом заговорили.

Вот только многие говорят не о том, о чем нужно говорить. Люди хотят знать ее настоящее имя. Но её имя – Джейн Доу. И я думаю, этого достаточно. Гораздо важнее знать другие имена: Мэттью Инголлс, Джонатан Ньюэлл, Уинстон Ли, Гиллио Лопес, Диего Сарабия, Скотт Норрис и Скотт Кретчмар. Это имена тех, кто, как заявляет Джейн, совершил это преступление. Вот чьи имена нужно знать. Имена людей, которые должны понести наказание за свое деяние.

И на самом деле виновных вовсе не 7. Их 57. Групповой чат братства – и столько человек, оставшимися совершенно равнодушными (в лучшем случае). Их бездействие – не равно невиновность. Их молчание – часть механизма, который сделал насилие возможным и безнаказанным. Настолько безнаказанным, что эссе для них – равноценное наказание за сломанную жизнь.

Именно так насилие поощряется другими – еще не насильниками, но теми, кто молчит об этом, теми, кто покрывает преступников, теми, кто унижает жертву и заставляет ее молчать. А фраза о том, что «не все мужчины такие», часто (слишком, слишком часто!) разбивается о простые факты. По данным правозащитных организаций и анализу судебной практики, 80-82% преступлений и правонарушений в семейно-бытовой сфере совершаются мужчинами. По данным ВОЗ и ООН, примерно каждая третья женщина (около 30-35% в мире) в своей жизни сталкивалась с физическим или сексуализированным насилием. И в подавляющем большинстве случаев (по оценкам ООН, до 90% и выше в зависимости от региона) насильниками выступают мужчины – как интимные партнеры (бывшие или нынешние), так и знакомые или незнакомые люди.

Так почему же насилие (например, бытовое насилие) зачастую активно защищается даже на законодательном уровне? Попустительство – не защита. Не «не наше дело». Попустительство – это преступление.

Когда в сети началась кампания за раскрытие имени Джейн Доу с призывами «оценить правдивость её истории», тысячи женщин написали: «Я – Джейн Доу». Часть – чтобы защитить ее анонимность. Часть – чтобы рассказать о собственном опыте.

Джейн Доу – это не только девушка из университета. Это вынужденная маска, под которой каждый скрываются тысячи женщин по всему миру.

А на данный момент уголовные обвинения так и не предъявлены ни одному из фигурантов дела. Но расследование по делу Джейн Доу продолжится. Ведь Джейн Доу не нужна жалость. Джейн Доу нужна справедливость.

Корректурa, редактурa, вёрстка: Е.С. Стрельникова